

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-11-14>

УДК 347.736

Attribution

cc by

ДЕЕСПОСОБНОСТЬ ГРАЖДАНИНА ПРИ ВВЕДЕНИИ
В ЕГО ОТНОШЕНИИ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА

Найдич И.Ю.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса о дееспособности гражданина, признанного банкротом. Целью работы является определение характера правового положения должника в процедурах банкротства и установление возможности квалифицировать его как ограниченно дееспособного. Автор использует анализ действующего законодательства, судебной практики и доктринальных подходов, рассматриваются аргументы сторонников и противников концепции ограничения дееспособности должника. Результаты исследования показывают, что, несмотря на установленные законом ограничения по распоряжению конкурсной массой и иным действиям, должник сохраняет интеллектуальный и волевой критерий дееспособности, самостоятельное участие в процессуальных и ряде материальных правоотношений. Делается вывод о невозможности признания банкрота ограниченно дееспособным в гражданско-правовом смысле. В работе подчеркивается теоретическое и практическое значение проблемы, в том числе для правильного понимания механизма реализации прав должника при его несостоятельности и роли финансового управляющего в этом процессе.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство) гражданина, дееспособность, ограничение дееспособности, должник, финансовый управляющий, реструктуризация долгов, реализация имущества, субъективные права.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

LEGAL CAPACITY OF INDIVIDUAL DURING BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Igor Yu. Naidich

Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the legal capacity of an individual declared bankrupt. The purpose of the research is to determine the nature of the debtor's legal status in bankruptcy proceedings and to establish whether it can be qualified as limited legal capacity. The author applies an analysis of current legislation, judicial practice, and doctrinal approaches, considering the arguments of both proponents and opponents of the concept of limiting a debtor's legal capacity. The results show that, despite the statutory restrictions on the disposal of the bankruptcy estate and other actions, the debtor retains the intellectual and volitional criteria of legal capacity, as well as independent participation in procedural and certain substantive legal relations. It is concluded that a bankrupt individual cannot be recognized as having limited legal capacity in the civil law sense. The study emphasizes the theoretical and practical significance of the issue, including for the proper understanding of the mechanism of exercising the debtor's rights in insolvency and the role of the bankruptcy trustee in this process.

Keywords: Insolvency (bankruptcy) of an individual, legal capacity, limitation of legal capacity, debtor, bankruptcy trustee, debt restructuring, asset realization, subjective rights.

Funding: Independent work.

Введение.

Последствием введения в отношении гражданина процедур банкротства является ограничение его субъективных прав (п. 5 ст. 213.11, ст. 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Распространённой является позиция, согласно которой эти последствия свидетельствуют об ограничении дееспособности гражданина.

В частности, эта идея была выражена в работах В. Ф. Попондопуло [18, с. 65], В. А. Запорощенко [4, с. 9-13], С. Б. Полич [17, с. 37-39].

О фактическом ограничении дееспособности несостоятельного должника указывалось в недавнем диссертационном исследовании В. И. Михайловой [7, с. 44].

В русской дореволюционной литературе введение процедур банкротства рассматривалось в качестве основания для ограничения дееспособности гражданина К. Д. Кавелиным [5, с. 10].

Существует и противоположная точка зрения, в соответствии с которой введение процедур банкротства не влияет на объем дееспособности лица.

Эту точку зрения можно встретить в работах Т. П. Шишмаревой [25, с. 44], К. Б. Кораева [6, с. 65-69].

Ранее этот взгляд был выражен в трудах Г. Ф. Шершеневича [24, с. 231], Е. А. Нефедьева [9, с. 80].

Целью настоящего исследования является определение характера правового положения должника в процедурах банкротства и установление воз-

возможности квалифицировать его как ограниченно дееспособного. Разрешение этого вопроса имеет как теоретическое, так и практическое значение.

Теоретическое значение состоит в возможности на этом основании характеризовать механизм реализации прав должника, роль финансового управляющего в этом процессе.

Практическое значение данного вопроса позволяет определить возможность применения к конкурсным правоотношениям по аналогии норм об ограничении дееспособности, содержащихся в Гражданском Кодексе Российской Федерации.

Обсуждение.

Гражданский кодекс Российской Федерации разграничивает юридические процедуры признания гражданина несостоятельным (ст. 25 ГК РФ) и ограничения дееспособности гражданина (ст. 30 ГК РФ).

В некоторых случаях, кодексом предусматриваются аналогичные последствия этих процедур, в частности для случаев прекращения договоров комиссии, агентского договора, договора доверительного управления имуществом, договора простого товарищества (абз. 4,5 ст. 1002 ГК РФ, абз. 3,4 ст. 1010 ГК РФ, абз. 4 п. 1 ст. 1024 ГК РФ, абз. 2-3 п. 1 ст. 1050 ГК РФ). Однако указание ограничения дееспособности и банкротства в качестве самостоятельных оснований для прекращения договоров также подчеркивает отличие этих процедур друг от друга. То есть, положения действующего законодательства не позволяют утверждать об ограничении дееспособности несостоятельного должника. Речь идет о двух различных процедурах, предусматривающих различные по своему содержанию последствия.

При этом Законом о банкротстве установлены правовые последствия введения процедур банкротства, в результате которых должник не имеет возможности самостоятельно приобретать и осуществлять некоторые субъективные права. Например, в случае введения процедуры реструктуризации долгов, должник не вправе без согласия, финансового управляющего совершать сделки по приобретению и отчуждению имущества стоимостью более чем пятьдесят тысяч рублей. В случае введения процедуры реализации имущества финансовый управляющий распоряжается средствами гражданина на банковских счетах и осуществляет права участника юридического лица.

Из двух посылок «В соответствии с п. 1 ст. 21 ГК РФ дееспособность определяется как «способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их» а также «гражданин теряет возможность своими действиями (без согласия, финансового управляющего) осуществлять определенные права, например право распоряжения своим имуществом» в доктрине делается вывод, согласно которому объем дееспособности гражданина фактически ограничивается.

В судебной практике по вопросу о об объеме дееспособности банкрота также отсутствует определенность. В отдельных судебных решениях подчеркивается, что введение процедур банкротства в отношении гражданина не влияет на объем его право- или дееспособности. В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 31.01.2023 № Ф05-18197/2020 по делу № А40-261097/2019 указано: «Признание гражданина банкротом ограничивает лишь виды деятельности, которые может осуществлять гражданин, но не лишает его правоспособности или дееспособности, равно как и возможности самостоятельно участвовать в рассмотрении дела в суде, в том числе и через представителей» [20]. В Постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.12.2022 № Ф04-6689/2022 по делу № А27-14984/2021 содержится следующая правовая позиция: «В свою очередь, должник при возбуждении в отношении гражданина дела о банкротстве, равно как и при введении процедур реструктуризации долгов либо реализации имущества, не теряет право либо дееспособности (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2021 № 36-П), следовательно, несостоятельный гражданин, не имеющий специальных знаний, не лишен права заключения от своего имени договора на оказание ему юридических услуг, связанных с защитой прав и законных интересов в процедуре банкротства» [19].

Однако существуют судебные акты с противоположными выводами. Рассматривая вопрос о возможности предоставления финансовому управляющему копий документов, на основании которых совершались регистрационные действия с транспортными средствами должника, судебная коллегия по экономическим спорам Верховного суда РФ указала на следующее: «Дополнительным аргументом может служить и то, что при банкротстве физического лица его гражданская дееспособность в определенном смысле ограничивается, в частности, он не вправе распоряжаться имуществом, подлежащим включению в конкурсную массу (в реструктуризации – без согласия управляющего либо утвержденного плана, в реализации – в принципе; статьи 213.9, 213.11, 213.25 Закона о банкротстве). В таких условиях финансовый управляющий фактически становится законным представителем физического лица, а потому управляющему могут быть предоставлены документы и сведения в объеме, по крайней мере, не меньшем, чем тот, который вправе запросить гражданин лично» [12]. В п. 6 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) рассмотрена возможность перехода из процедуры реализации имущества гражданина в процедуру реструктуризации его долгов. Отказывая в удовлетворении соответствующего заявления, суд апелляционной инстанции указал, что «гражданин уже признан банкротом, то есть для него наступил комплекс последствий, связанных с ограничением дееспособности, на что указано в статьях 213.25 и 213.30 Закона о банкротстве. Законом

о банкротстве для физических лиц не предусмотрена возможность перехода из ликвидационной процедуры в реабилитационную процедуру» [10]. Указанное толкование опровергнуто в правовой позиции из Обзора судебной практики, однако без опровержения посылки об отсутствии дееспособности несостоятельного банкрота.

Из представленных правовых позиций следует, что сторонниками теории ограничения дееспособности несостоятельного гражданина указывается на схожий характер вводимых запретов при ограничении дееспособности и несостоятельности.

Противники теории ограничения дееспособности гражданина указывают на возможность самостоятельного заключения должником отдельных договоров, не связанных с распоряжением имуществом, а также на сохранение полной процессуальной дееспособности.

Рассматривая эти две противоположные позиции, стоит сделать несколько существенных уточнений, которые будут необходимы для последующих выводов.

Во-первых, для процедуры реструктуризации долгов и реализации имущества предусмотрены различные модели ограничения прав должника. В случае введения в отношении гражданина процедуры реструктуризации долгов, целый ряд сделок он может совершать лишь с письменного согласия финансового управляющего (п. 5 ст. 213.11 Закона о банкротстве). В случае введения процедуры реализации имущества все права в отношении имущества, составляющего конкурсную массу, в том числе на распоряжение им, осуществляются только финансовым управляющим от имени гражданина и не могут осуществляться гражданином лично (п. 5 ст. 213.25 Закона о банкротстве). То есть, правовое положение гражданина, в отношении которого введена процедура реализации имущества более напоминает правовое положение абсолютно недееспособного лица, чем ограниченно дееспособного.

Во-вторых, ничтожными, согласно абз. 3 п. 5 ст. 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», могут являться лишь сделки гражданина в отношении имущества, составляющего конкурсную массу. Тем имуществом, которое в конкурсную массу не входит, должник вправе распоряжаться свободно, что также подтверждается и судебной практикой [14].

В отличие от ограниченно дееспособных граждан, которые могут без согласия попечителя совершать лишь мелкие бытовые сделки, исключенным из конкурсной массы имуществом может, в силу ст. 446 ГПК РФ, являться и более ценное имущество, как, например, единственное жилье, транспортное средство, животные и т.п. В некоторых случаях, иммунитет от взыскания распространяется на денежные средства, полученные от их продажи [8]. То есть, возможность самостоятельного совершения сделок ставится в зависимость не только от состояния лица, но и от предмета

сделки. В случае же, если предмет сделки в конкурсную массу не входит, то возможность должника самостоятельно совершать сделки не ограничивается.

В связи с этим замечанием, можно также отметить, что в отличие от процедуры ограничения дееспособности, последствием которой является ограничение самостоятельной возможности совершать любые сделки, кроме прямо установленных в законе (модель «запрещено всё, кроме установленного в законе»), в случае введения процедур банкротства ограничиваются права на совершение лишь определенных в законе сделок (модель «разрешено всё, кроме установленного в законе»).

В-третьих, подобные ограничения возможности совершения ряда сделок предусмотрены не только в отношении граждан, в отношении которых введены процедуры банкротства. Арест имущества (то есть, ограничение его распоряжением) может быть наложен судебным приставом в целях исполнения исполнительного документа. В последующем, судебный пристав-исполнитель реализует имущество, однако, право собственности на имущество и денежные средства от его продажи судебному приставу-исполнителю не переходит.

Денежные средства, вырученные от реализации имущества должника и оставшиеся после возмещения расходов по исполнению, возвращаются должнику (ч. 7 ст. 107 Федерального закона «Об исполнительном производстве»). То есть, судебный пристав-исполнитель при продаже имущества действует от имени должника.

Ограничения деятельности по участию в управлении организацией, занятии предпринимательской деятельностью, приобретении ценных бумаг предусмотрено для государственных служащих (ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»). Имеющиеся у государственного служащего ценные бумаги, в определенных случаях, он обязан передать в доверительное управление и не может осуществлять права управления по ним самостоятельно (ст. 12.3 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»).

То есть, последовательное применение теории ограничения дееспособности несостоятельного должника должно приводить также к выводу об ином объеме дееспособности государственного служащего или любого другого должника, в отношении которого применены меры принудительного исполнения.

В-четвертых, универсальный характер категории дееспособности предопределяет самые различные по своему содержанию последствия её ограничения, в том числе неимущественные. Ограниченное в дееспособности лицо не может являться свидетелем или рукоприкладчиком при составлении завещания (п. 2 ст. 1124 ГК РФ), судьей (ст. 4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»), нотариусом (ст. 2 Основ законодательства РФ о нотариате), адвокатом (ст. 9 ФЗ

«Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), членом избирательной комиссии (ст. 29 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»), организатором публичного мероприятия (ст. 5 ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»), донором крови (ст. 12 ФЗ «О донорстве крови и её компонентов») и т.д.

Если верно утверждение, что несостоятельный должник ограничивается в дееспособности, то необходимо сделать вывод о распространении всех вышеперечисленных ограничений на несостоятельного должника. В противном случае, утверждая об ограничении дееспособности банкрота, мы имеем в виду некоторую другую дееспособность, отличную от той, которая используется в гражданском законодательстве.

В связи с этим, стоит отметить, что в советской цивилистической литературе весьма известной считалась точка зрения М. М. Агаркова о дееспособности, как понятии динамическом. М. М. Агарков писал следующее: «Неправильно представлять себе правоспособность статически и думать, что в любой момент лицо может оказаться субъектом любого гражданского правоотношения. Обладание полной гражданской правоспособностью ... обозначает возможность иметь любые основанные на законе права и обязанности. Но это не означает, например, что каждый может в данный момент сделаться собственником определенной вещи. Для этого надо, чтобы тот, кто является собственником в данный момент, предложил продать ему вещь или, наоборот, чтобы собственнику было сделано предложение, и он ответил бы согласием.

Таким образом, правоспособность должна быть понята динамически. Гражданская правоспособность для каждого данного лица в каждый определенный момент времени означает возможность иметь конкретные права и обязанности в зависимости от его взаимоотношений с другими лицами» [1, с. 71-72].

Такое понимание правоспособности позволило бы разрешить выявленные выше противоречия. У одного и того же лица может быть правоспособность в отношении одного субъективного права и отсутствовать правоспособность в отношении другого субъективного права. Следовательно, дееспособность может также пониматься динамически. Лицо может обладать дееспособностью в реализации одного конкретного субъективного права (например, правом распоряжения имуществом, не составляющим конкурсную массу) и, в то же время, не обладать дееспособностью в отношении другого субъективного права (правом распоряжения конкурсной массой).

Однако в действующих нормативных правовых актах Российской Федерации категории правоспособности и дееспособности понимаются статически как общая основа для возникновения и осуществления субъективных прав. Как писал С. Н. Братусь, оспаривая теорию динамической правоспособности М. М. Агаркова: «Правоспособность – та общая основа, без

которой невозможны конкретные правомочия. Отдельные же проявления конкретного субъективного права (например, права собственности) входят в его содержание, их реализация является предпосылкой для возникновения другого субъективного права. Однако это обстоятельство не может служить основанием для отделения охарактеризованных выше проявлений конкретного субъективного права (например, права распоряжения вещью как проявления права собственности) от самого субъективного права (т. е. права собственности на вещь)» [2, с. 13].

Такой взгляд на категорию правоспособности обосновывает провозглашенный в советском законодательстве и перешедший в современную правовую систему принцип обладания правоспособностью всеми гражданами.

Что касается дееспособности как категории производной от правоспособности, то она также рассматривается как общая основа для самостоятельного приобретения и осуществления всех субъективных гражданских прав. В отличие от субъективных гражданских прав, которых может быть множество у одного лица, дееспособность может быть лишь одна. Иное понимание дееспособности приводит к смешению этого понятия с понятием «субъективное право».

Таким образом, анализ действующего законодательства показывает, что простое отождествление ограничения возможности осуществления определенных прав с ограничением дееспособности приводит к выводу об ограничении дееспособности любого другого должника в исполнительном производстве или государственного служащего. Это влечет за собой многочисленные последствия, в том числе в области немущественных отношений (невозможности занятия должностей нотариуса, судьи, члена избирательной комиссии), что делает весьма затруднительным положение широкого круга лиц. Указанные противоречия свидетельствуют о необходимости поиска в доктрине тех свойств категории дееспособности, которые придают ей большее значение далеко за пределами гражданского права.

Важное значение при характеристике дееспособности имеют её критерии; то есть, те основания, наличие которых связывается законодателем с её установлением в отношении лица.

Я. Р. Веберс рассматривал наличие у граждан необходимых умственных способностей, способности понимать значение своих действий и руководить ими в качестве психологической предпосылки дееспособности гражданина [3, с. 124].

В современных диссертационных исследованиях выделяются и исследуются во взаимосвязи возрастной, интеллектуальной, волевой, медицинский критерии дееспособности. В частности, О. Б. Орлова отмечает: «В отличие от правоспособности, дееспособность зависит от определенных индивидуальных качеств человека — возраста и состояния душевного здоровья, ибо эти факторы характеризуют определенный

уровень интеллекта, воли, жизненного опыта. Для самостоятельного участия в гражданских правоотношениях (например, для заключения договоров) человек должен понимать значение своих действий, осознавать их (интеллектуальный критерий), руководить ими (волевой критерий), нести самостоятельную ответственность (быть деликтоспособным) либо не участвовать в гражданских правоотношениях и признаваться недееспособным вследствие психического расстройства (медицинский критерий)» [15, с. 4].

А. В. Остапенко приходит к выводу, согласно которому «волевой критерий, наряду с возрастным, должен являться основным при характеристике дееспособности физических лиц, в отличие от медицинского критерия, который характеризует не дееспособность как таковую, а состояния, служащие предпосылкой для ее умаления» [16, с. 9].

Отсутствие волевого или интеллектуального критерия действующее законодательство рассматривает в качестве необходимой предпосылки для лишения дееспособности (ст. 30 ГК РФ, п. 18, 19 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [21]). Иными словами, недостаточно для ограничения дееспособности лица установления факта постановки своей семьи в тяжелое материальное положение; необходимо, чтобы это было обусловлено подавляющим волю лица влечением или психическим заболеванием.

Наличие интеллектуального и волевого критерия дееспособности обуславливает наличие множества неимущественных последствий при ограничении дееспособности гражданина. Предполагается, что ограниченный в дееспособности гражданин не способен в полной степени осознавать и руководить своими действиями, а, следовательно, занятие им ответственных должностей вроде нотариуса, судьи, члена избирательной комиссии и т.п. может повлечь негативные общественные последствия.

Подавляющая волю зависимости вроде лудомании или алкоголизма могут являться причиной банкротства гражданина, но в значительном количестве случаев банкротство является следствием иных причин: потери работы, роста цен, убыточной предпринимательской деятельности и т.п. Должник в большинстве случаев сохраняет возможность осознавать свои действия и руководить ими.

Таким образом, при банкротстве гражданина сохраняются волевой и интеллектуальный критерий, отсутствие которых является необходимой предпосылкой для лишения дееспособности граждан. Следовательно, должник не нуждается в установлении попечителя, который оказывает подопечным содействие в осуществлении ими своих прав и исполнении обязанностей.

Назначаемый судом финансовый управляющий действует не только в интересах должника, но

также его кредиторов и общества (п. 4 ст. 20.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

О более сложном правовом положении должника по сравнению с ограниченно дееспособным гражданином свидетельствует также анализ отдельных правоотношений, возникающих в связи с введением процедур банкротства. В связи с юридическим фактом несостоятельности (банкротства) организации или гражданина возникает множество различных правоотношений с участием должника. Эти правоотношения могут являться материальными и процессуальными. Среди материальных правоотношений можно выделить имущественные, неимущественные, организационные правоотношения [23]. Элементом содержания любого правоотношения является наличие у его участников субъективных прав и обязанностей.

Анализ правоотношений с участием гражданина при его банкротстве позволяет установить, что во многих из них должник является самостоятельным участником, отдельным от фигуры финансового управляющего. А в некоторых правоотношениях его права или обязанности противопоставляются правам и обязанностям финансового управляющего.

Примером таких имущественных правоотношений являются правоотношения, связанные с обеспечением должника необходимым уровнем достойного существования в форме выплаты прожиточного минимума. В указанных правоотношениях у финансового управляющего есть обязанность по передаче должнику из поступающей на его заблокированный банковский счет заработной платы денежных средств в размере прожиточного минимума, а у должника есть субъективное право требовать такой передачи [22]. В случае нарушения субъективного права должника, у него возникает имущественное требование к конкурсной массе, которой управляет финансовый управляющий.

Однако при самостоятельном получении должником заработной платы в обход банковского счета, которым управляет финансовый управляющий, обязанность по передаче денежных средств в конкурсную массу возникает у должника, за вычетом суммы прожиточного минимума. В этом случае уже финансовый управляющий имеет право направить должнику требование о передаче денежных средств [11].

Таких правоотношений, в которых должник является самостоятельным субъектом, действующим без посредничества, финансового управляющего, возникает множество. Они могут являться имущественными (исполнение должником обязанности по передаче имущества финансовому управляющему, право требовать сохранности переданного имущества), неимущественными (обязанность финансового управляющего отвечать на поступающие от должника обращения и соответствующее ему право обращения [13]), организационными (право должника участвовать в собрании кредиторов). Во всех этих случаях должник реализует свои субъективные права самостоятельно. В

случае нарушения субъективных прав, он вправе обратиться в суд за защитой своего нарушенного права и для этого обладает полной гражданской процессуальной дееспособностью.

Должник также самостоятельно участвует в правоотношениях, противоположной стороной которых являются конкурсные кредиторы. К примеру, должник вправе разработать и предложить собранию кредиторов план реструктуризации долгов (п. 1 ст. 213.12 Закона о банкротстве). В некоторых случаях, он вправе требовать утверждения такого плана судом без согласия кредиторов (п. 4 ст. 213.17 Закона о банкротстве). В этих правоотношениях должник в связи с заинтересованностью в улучшении своего финансового положения, самостоятельно реализует свои субъективные права.

Предоставление должнику специальных субъективных прав в процедурах банкротства, которые он вправе осуществлять самостоятельно, обусловлено наличием у него законных интересов в восстановлении собственной платежеспособности на любом этапе процедур несостоятельности, сохранения достойного уровня существования. Возвращаясь к случаю, рассмотренному в п. 6 Обзоре судебной практики по делам о банкротстве граждан утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025 [10], суждения об ограниченной дееспособности должника могут привести к выводу о невозможности для гражданина, признанного банкротом, требовать перехода к процедуре реструктуризации долгов, что существенным образом затрагивает его интерес в восстановлении собственной платежеспособности.

Результаты.

В действующем законодательстве дееспособность понимается статически как общая способность к самостоятельному приобретению прав и обязанностей, их осуществлению и исполнению, предпосылкой возникновения которой является наличие у лица возмож-

ности в полной степени осознавать и руководить своими действиями. Если исходить из заложенного в законодательстве понимания дееспособности, то гражданин при введении в отношении него процедур банкротства не может считаться недееспособным или ограниченно дееспособным.

Одновременно с ограничением возможности осуществления отдельных субъективных прав, должник наделяется множеством других специальных субъективных прав в процедурах банкротства, которые он осуществляет самостоятельно своей волей. Выводы об ограничении дееспособности должника не могут быть применимы в отношении таких прав.

Заключение.

Проведённое исследование показало, что признание гражданина банкротом не влечёт его признания ограниченно дееспособным в гражданско-правовом смысле. Несмотря на установленные законом ограничения, касающиеся распоряжения конкурсной массой и отдельных сделок, должник сохраняет интеллектуальный и волевой критерии дееспособности, а также самостоятельное участие в ряде материальных и процессуальных правоотношений. Полученные результаты имеют значительное теоретическое значение, позволяя уточнить содержание категории дееспособности и её соотношение с процедурами несостоятельности, а также практическое значение — для правильного понимания роли финансового управляющего в механизме реализации прав должника.

Дальнейшие исследования в данной области целесообразно направить на более глубокое изучение особенностей участия должника в отдельных видах конкурсных правоотношений, а также на анализ зарубежного опыта правового регулирования дееспособности в условиях банкротства. Это позволит выработать более сбалансированные подходы к законодательному регулированию, обеспечивающему как интересы кредиторов, так и сохранение правового статуса должника.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Агарков, М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков. - Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. - 192 с.
2. Братусь, С. Н. Субъекты гражданского права / С. Н. Братусь. - Москва : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. - 368 с. EDN: RFXYAZ
3. Веберс, Я. Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве / Веберс Я.Р. - Рига: Зинатне, 1976. - 231 с.
4. Запорощенко, В. А. К вопросу о дееспособности гражданина-должника в рамках дела о банкротстве / В. А. Запорощенко // Российский судья. - 2019. - № 9. - С. 9-13. EDN: XDLFMX
5. Кавелин, К. Д. Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству : опыт систематического обозрения / К. Кавелин. - Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1879. - XXXI, 410, XV, [1] с.
6. Кораев, К. Б. Неплатежеспособность: Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства) : монография. - Москва : Проспект, 2024. - 320 с. ISBN: 978-5-392-40396-7 EDN: PMLYIS

7. Михайлова, В. И. Обеспечительный механизм реализации прав и законных интересов должника в процессе несостоятельности (банкротства) : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Михайлова Валерия Игоревна, 2024. - 261 с. EDN: HNOCRX
8. Найдич, И. Ю. Иммунитет денежных средств, полученных от реализации исключенного из конкурсной массы имущества / И. Ю. Найдич // Современное право. - 2025. - № 7. - С. 67-71. DOI: 10.25799/NI.2025.88.30.014 EDN: NXKUAQ
9. Неведьев, Е. А. Судопроизводство торговое. Конкурсный процесс : Из лекций заслуж. орд. проф. Моск. ун-та Е.А. Неведьева. - 2-е изд. - Москва : О-во взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та, 1909. - 110 с.
10. "Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) // Доступ из СПС "КонсультантПлюс".
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2022 № 308-ЭС21-23129 по делу № А53-36504/2021 // Доступ из СПС "КонсультантПлюс (дата обращения: 01.10.2025).
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2023 № 308-ЭС23-15786 по делу № А63-14622/2022. // Доступ из СПС "КонсультантПлюс (дата обращения: 01.10.2025).
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.12.2024 № 305-ЭС22-16959(4) по делу № А40-225516/2021 // Доступ из СПС "КонсультантПлюс (дата обращения: 01.10.2025).
14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.03.2025 № 305-ЭС24-18797 по делу № А41-78725/2023 // Доступ из СПС "КонсультантПлюс (дата обращения: 01.10.2025).
15. Орлова, О. Б. Дееспособность физических лиц в российском гражданском праве : специальность 12.00.03 "Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Орлова Ольга Борисовна. - Москва, 2009. - 201 с. EDN: QENMAP
16. Остапенко, А. В. Дееспособность граждан как гражданско-правовая категория : специальность 12.00.03 "Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Остапенко Алексей Викторович. - Волгоград, 2011. - 187 с. EDN: QFHQBVI
17. Полич, С. Б. Ограничение дееспособности гражданина-банкрота / С. Б. Полич // Проблемы права. - 2020. - № 4(78). - С. 37-39. DOI: 10.14529/pro-prava200405 EDN: MZWWFN
18. Попондопуло, В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование : научно-практическое пособие. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : Проспект. 2024. - 432 с. ISBN: 978-5-392-41988-3 EDN: VTUJF
19. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.12.2022 № Ф04-6689/2022 по делу № А27-14984/2021 // Доступ из СПС "КонсультантПлюс (дата обращения: 01.10.2025).
20. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.01.2023 № Ф05-18197/2020 по делу № А40-261097/2019 // Доступ из СПС "КонсультантПлюс (дата обращения: 01.10.2025).
21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // "Российская газета", № 140, 30.06.2015.
22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 "О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан" // "Российская газета", № 1, 09.01.2019.
23. Солодилов, А.В. Правоотношения по современному российскому конкурсному праву (некоторые теоретические аспекты) (часть 1) / А.В. Солодилов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. - 2021. - №2. - С. 90-111. DOI: 10.46279/ASMO.2021.60.65.001 EDN: LKWLLF
24. Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права. В 4 томах. Т. 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс / Г.Ф. Шершеневич. - Москва : Издательство Юрайт, 2024. - 453 с.
25. Шишмарева, Т. П. Осуществление прав учредителей (участников) юридического лица в процедурах несостоятельности (банкротства) / Т. П. Шишмарева // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2011. - № 3. - С. 42-47. EDN: NDUGFH

References:

1. Agarkov, M. M. Obligation under Soviet civil law / M. M. Agarkov. Moscow : Law Publishing House of the NKYU of the USSR, 1940. 192 p.
2. Bratus, S. N. Subjects of civil law / S. N. Bratus. - Moscow : State Publishing House of Law. lit., 1950. - 368 p. EDN: RFXYAZ
3. Webers, Ya. R. The legal personality of citizens in Soviet civil and family law / Webers J.R. - Riga: Zinatne, 1976. - 231 p.
4. Zamoroshchenko, V. A. On the issue of the legal capacity of a debtor citizen in the framework of a bankruptcy case / V. A. Zamoroshchenko // Russian judge. - 2019. - No. 9. - p. 9-13. EDN: XDLFMX
5. Kavelin, K. D. Rights and obligations on property and obligations in application to Russian legislation: the experience of a systematic review / K. Kavelin. - St. Petersburg : M. M. Stasyulevich Printing House, 1879. XXXI, 410, XV, [1] p.
6. Koraev, K. B. Insolvency: A new institution of legal regulation of financial recovery and insolvency (bankruptcy) : monograph. - Moscow : Prospekt, 2024. 320 p. ISBN: 978-5-392-40396-7 EDN: PMLYIS
7. Mikhailova, V. I. The security mechanism for the realization of the rights and legitimate interests of the debtor in the process of insolvency (bankruptcy) : dissertation for the degree of Candidate of Law / Mikhailova Valeria Igorevna, 2024. - 261 p. EDN: HNOCRX
8. Naidich, I. Y. Immunity of funds received from the sale of property excluded from the bankruptcy estate / I. Y. Naidich // Modern law. - 2025. - No. 7. - PP. 67-71. DOI: 10.25799/NI.2025.88.30.014 EDN: NXKUAQ
9. Nefediev, E. A. Commercial legal proceedings. The competitive process : From the lectures of the Distinguished Ord. Prof. Moscow time. University of E.A. Nefedieva. - 2nd ed. - Moscow : On mutual Assistance of Law Students Moscow. University, 1909, 110 p.

10. "Review of judicial practice in cases of bankruptcy of citizens" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 06/18/2025) // Access from the SPS ConsultantPlus.
11. Ruling of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 28.03.2022 No. 308-ES21-23129 in case No. A53-36504/2021 // Access from the SPS ConsultantPlus (accessed: 01.10.2025).
12. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 26, 2023 No. 308-ES23-15786 in case No. A63-14622/2022. // Access from the SPC ConsultantPlus (date of application: 10/01/2025).
13. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 11, 2024 No. 305-ES22-16959(4) in case no. A40-225516/2021 // Access from the SPS ConsultantPlus (accessed: 01.10.2025).
14. Ruling of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11.03.2025 No. 305-ES24-18797 in case No. A41-78725/2023 // Access from the SPS ConsultantPlus (date of application: 01.10.2025).
15. Orlova, O. B. Legal capacity of individuals in Russian civil law : specialty 12.00.03 "Civil law; business law; family law; private international law" : dissertation for the degree of Candidate of Law / Orlova Olga Borisovna. Moscow, 2009. 201 p. EDN: QEHHMAB
16. Ostapenko, A.V. Legal capacity of citizens as a civil law category : specialty 12.00.03 "Civil law; business law; family law; private international law" : dissertation for the degree of Candidate of Law / Ostapenko Alexey Viktorovich. Volgograd, 2011. 187 p. EDN: QFHQB
17. Polich, S. B. Limitation of the legal capacity of a bankrupt citizen / S. B. Polich // Problems of law. - 2020. - № 4(78). - Pp. 37-39. DOI: 10.14529/pro-prava200405 EDN: MZWWFN
18. Popondopulo, V. F. Bankruptcy. Legal regulation : a scientific and practical guide. - 2nd ed., revised and add. - Moscow : Prospekt. 2024. - 432 p. ISBN: 978-5-392-41988-3 EDN: VTUJF
19. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 12.12.2022 No. F04-6689/2022 in case No. A27-14984/2021 // Access from the SPC ConsultantPlus (date of application: 01.10.2025).
20. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 31.01.2023 No. F05-18197/2020 in case No. A40-261097/2019 // Access from the SPS ConsultantPlus (accessed: 01.10.2025).
21. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/23/2015 No. 25 "On the application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta, No. 140, 30.06.2015.
22. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/25/2018 No. 48 "On some issues related to the specifics of formation and distribution bankruptcy estate in bankruptcy cases of citizens" // Rossiyskaya Gazeta, No. 1, 09.01.2019.
23. Solodilov, A.V. Legal relations in modern Russian competition law (some theoretical aspects) (part 1) / A.V. Solodilov // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. - 2021. - No.2. - pp. 90-111. DOI: 10.46279/ASMO.2021.60.65.001 EDN: LKWLLF
24. Shershenevich, G. F. Course of commercial law. In 4 volumes. Vol. 4. The trading process. The competitive process / G.F. Shershenevich. Moscow : Yurait Publishing House, 2024. 453 p.
25. Shishmareva, T. P. Exercising the rights of founders (participants) of a legal entity in insolvency (bankruptcy) procedures / T. P. Shishmareva // Laws of Russia: experience, analysis, practice. - 2011. - No. 3. - pp. 42-47. EDN: NDUGFH

Информация об авторе:

Найдич Игорь Юрьевич, аспирант кафедры правового регулирования экономической деятельности юридического факультета ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», <https://orcid.org/0009-0005-4807-3393>, электронная почта: 249361@edu.fa.ru

Igor Yu. Naidich, Postgraduate Student at the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation"

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.10.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.10.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.